

ки), шахматчики (шахматисты)... А предельно краткие и вместе с тем весьма выразительные традиционные формулы и общие места свидетельствуют о наблюдательности певцов, их искусстве вызывать у слушателей представления о высоком предназначении шахматной игры в быту и духовной культуре народа.

Здесь мы не ставим своей задачей анализировать инновации последующих эпох. Отметим лишь, что в рассматриваемых нами сюжетах былины, получивших распространение во всех районах Новгородской колонизации на Севере страны<sup>69</sup> с ее традиционным отношением к шахматам как области народной культуры, эти инновации большей частью не нарушили первоначально созданных типических мест и формул в специфическом художественном отображении игры и в определенной мере сохранили шахматные реалии Киевской Руси. Этот факт представляется нам важным как для изучения самого былинного эпоса, так и для историко-этнографического исследования шахматной культуры.

<sup>69</sup> Чичеров В. И. Школы сказителей Заонежья. М.: Наука, 1982, с. 13.

## **О. Ю. Артемова**

### **ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ В ОБЩЕСТВЕ АБОРИГЕНОВ АВСТРАЛИИ**

Развитая индивидуальная специализация, связанная со сложной системой разделения труда и называемая профессиональной, существует, как известно, только в обществах, обладающих городской культурой. Появление зачаточных форм индивидуальной специализации чаще всего в научной литературе относят к периоду разложения первобытной формации, к эпохе классовообразования. Предполагается, таким образом, что на более ранних стадиях социально-экономического развития, в доклассовую эпоху, индивидуальная специализация и разделение труда между индивидами отсутствовали, т. е. члены первобытного коллектива, входившие в одну половозрастную группу, по характеру своей деятельности не отличались друг от друга. Однако этнографические данные, относящиеся к обществам, которые до сравнительно недавнего времени сохраняли первобытный уклад жизни, и в частности к аборигенам Австралии, заставляют думать, что такой взгляд не совсем верен.

У австралийских аборигенов в условиях первобытного охотничье-собирательского образа жизни все взрослые члены общины участвовали в производстве средств к жизни, предметов материальной культуры, в деятельности, связанной с искусством и религией. Профессионалов, т. е. лиц, которые, пройдя особое обучение, посвящали бы все свое трудовое время только одному роду работы и получали бы за это вознаграждение, обеспечивавшее все необходимое для жизни не существовало. Однако обычно в этих коллективах имелись люди, достигшие особых успехов и том или ином из традиционных видов деятельности и уделявшие именно этому виду особое, а иногда и преимущественное внимание. В общей форме на такую, как бы частичную (иногда ее не совсем верно, как мы попытаемся показать ниже, называют возникающей) специализацию и на связанные с ней элементы индивидуального разделения труда, которое осуществляется в рамках половозрастного и географического, или регионального, разделения труда, указывают многие этнографы-австраловеды. Однако ни в зарубежной, ни в советской австраловедческой литературе нет исследований, целиком посвященных этой проблеме. В работе В. Р. Кабо «Каменные орудия австралийцев» отдельным проявлениям подобной индивидуальной специализации у аборигенов при производстве каменных орудий отведен небольшой раздел. Некоторое внимание за-

м чаточным формам индивидуального разделения труда в хозяйственной  
е- деятельности у коренных австралийцев уделяет Н. А. Бутинов в работе  
1- «Разделение труда в первобытном обществе» \

•у Предлагаемая статья отражает попытку более подробного изучения  
> элементов индивидуальной специализации у аборигенов Австралии как  
х в сфере материального производства, так и в некоторых видах духовной  
)- культуры. За пределами рассмотрения остаются вопросы индивидуаль-  
1- ной специализации в области колдовства и знахарства, а также тотемич-  
е- ской культовой деятельности, тесно связанные с проблемами лидерст-  
[- ва и потестарной организации у австралийцев и в силу этого требующие  
е- особого исследования.

я Индивидуальная специализация и элементы инди-  
>- видуального разделения труда в хозяйстве. Каждый молодой абориген воспринимал у старших все навыки, необходимые для  
успешной охоты. Тем не менее в силу различий в индивидуальных спо-  
собностях, склонностях, а также в конкретных обстоятельствах, которые  
сопутствовали обучению охотника, результаты такого обучения бывали  
разными. Как свидетельствуют Б. Спенсер и Ф. Гиллен, у аранда и со-  
седних групп Центральной Австралии мужчины заметно отличались друл  
от друга по силе броска и меткости при метании копья. Хотя большин-  
ство охотников попадали в цель с расстояния, не превышающего 20 яр-  
дов (около 19 м), изредка среди них встречались особенно талантливые,  
способные ранить или убить жертву и с большего расстояния<sup>1</sup>. По сло-  
вам Ф. Маккарти, у некоторых охотников высокое мастерство в метании  
копий или гарпунов иногда превращалось в своего рода специализацию:  
они получали соответствующий статус в коллективе, а также право но-  
сить особое звание, указывавшее на их индивидуальные достижения<sup>3</sup>.

Индивидуальные различия в охотничьих навыках и особое мастерство  
отдельных мужчин использовались во время коллективной охоты. Напри-  
мер, группа из нескольких аборигенов отправлялась охотиться. Роли за-  
ранее не распределялись, потому что охотники хорошо знали, как мог  
каждый проявить себя в ответственный момент. Завидев вдаль пасущих-  
ся кенгуру, они шепотом или с помощью языка жестов вырабатывали  
конкретный план действий. Самый искусный в метании копий начинал  
подкрадываться к животным с подветренной стороны. Он медленно полз  
на открытых местах, шел быстрым шагом или бежал, когда его скрывали  
кустарник и деревья. В это время один или двое загонщиков старались  
подогнать к нему кенгуру. Когда животные оказывались достаточно  
близко, копьеметальщик бросал копье, а если обстоятельства позволяли,  
то и несколько копий, стремясь убить нескольких кенгуру. В Арнемлен-  
де, как пишет Маккарти, искусный метальщик копий, получивший в  
признание своего мастерства особое звание, имел почетную обязанность  
нести в лагерь животное, убитое им во время коллективной охоты, а так-  
же собственноручно разделять тушу перед приготовлением в земля-  
ной печи \

Пожалуй, наиболее значительную роль играли различия в индивиду-  
альных охотничьих навыках и связанное с этим распределение индивиду-  
альных обязанностей во время коллективной охоты на крупных морских  
животных у жителей прибрежных районов. По описанию Д. Томсона, у  
аборигенов побережья Кейп-Йорка, занимавшихся охотой на дюгоней и  
крупных морских черепах в лодках с аутригером, команда охотников  
обычно состояла из гарпунщика, рулевого и нескольких гребцов. Работа

<sup>1</sup> Кнбо В. Р. Каменные орудия австралийцев.— Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов (Труды Ин-та этнографии АН СССР — далее ТИЭ, т. 80). М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1962, с. 73—74; Бутинов Н. А. Разделение труда в первобытном обществе.— Проблемы истории первобытного общества (ТИЭ, т. 54), М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1960, с. 123—124.

<sup>2</sup> Spencer B., Gillen F. The Native Tribes of Central Australia. N. Y., 1968, p. 20.

<sup>3</sup> McCarthy F. D. Habitat, Economy, and Equipment of the Australian Aborigines.— The Australian Journal of Science, v. 19, № 4a, March, 1957, p. 89.

<sup>4</sup> McCarthy F. D. Kangaroos and Wallabies in Aboriginal Life and Art.— Australian Natural History. V. 14. June, 1963, p. 176.

гарпунщика требовала наибольшего мастерства, и он был главным человеком во время охоты; в некоторых случаях он отдавал распоряжения рулевому. Но обычно каждый член команды настолько хорошо знал и выполнял свою задачу, что общего руководства не требовалось<sup>5</sup>.

По словам Томсона, у жителей иобережья Кейп-Йорка каждый мужчина овладевал навыками, необходимыми для морской охоты, но лишь немногим удавалось достичь подлинного совершенства в обращении с гарпуном и получить почетное звание — *вотады* (гарпунщик, «человек дюгоня»)<sup>6</sup>.

В целом по континенту, однако, более отчетливо, чем в охоте, элементы индивидуальной специализации прослеживаются в сфере производства каменных орудий, оружия, других предметов, использующихся в повседневном быту.

Так, по данным Г. Хорна и Г. Айстона, в Центральной Австралии отдельные мужчины специализировались на постройке хижин — *пунга*. Хорошие строители пунга всегда были нужны, их приглашали в соседние группы, и за свой труд они получали обычно небольшое вознаграждение: бумеранг или какую-нибудь иную вещь. Хорн и Айстон упоминают Пинтибунну — искусного строителя пунга из племени вонкангуру. Долгие годы в обширном районе он считался лучшим мастером своего дела. Искусству делать хижины он научился у своего отца, который тоже был известным специалистом<sup>7</sup>.

Те же авторы свидетельствуют об индивидуальной специализации при производстве оружия и каменных орудий труда у жителей Центральной Австралии. В большинстве случаев и то и другое производилось мужчинами старшего возраста. Причем одни были хорошими мастерами по изготовлению деревянного оружия, другие преимущественно специализировались на изготовлении каменных орудий. Случалось, что мужчина занимался производством каменных орудий только одного вида.

У аборигенов Арнемленда, по данным Д. Томсона, некоторые мужчины, обычно жившие вблизи выходов определенных каменных пород, специализировались на изготовлении топоров. Искусству изготовления этих орудий они учились у отцов, а изделия свои накапливали в качестве гери — предметов, предназначенных для обмена. Точно так же особыми специалистами, по данным Томсона, изготавливались и каменные наконечники для копий — *леилира*. В группе аборигенов, населявшей окрестности каменного карьера на р. Уолкер в восточном Арнемленде, «только один или два человека» умели делать такие наконечники<sup>8</sup>. Х. Петри же пишет, что в племени унгариныи в северо-западной Австралии каждый мужчина уже в ранней юности учился изготавливать наконечники для копий, однако только немногие славились умением делать их особенно тонкими и красивыми<sup>10</sup>.

Отмечая черты индивидуальной специализации в племени тьонганды (север побережья Кейп-Йорка), Д. Томсон указывает, что наиболее отчетливо она проявлялась при изготовлении долбленых лодок, качество которых имеет такое большое значение для морской охоты. У тьонганды эти лодки могли делать только мужчины, имеющие статус специалиста — *латрапума*. Патрапума — это нечто вроде наследственного звания, вместе с мастерством изготовления лодок оно переходило от отцов к сыновьям. Все другие предметы материальной культуры мог производить каждый без каких-либо ограничений, исключая ограничения, связанные с половозрастной принадлежностью. Люди, делающие те или иные вещи особенно искусно, также получали признание в качестве специалистов и

<sup>5</sup> Thomson D. F. The Dugong Hunters of Cape York.— Journal of the Royal Anthropological Institute, 1934, v. LXIV, p. 243—244.

<sup>6</sup> Thomson D. F. Op. cit., p. 243.

<sup>7</sup> Home G. and Alston G. Savage Life in Central Australia. L., 1924, p. 19—20.

<sup>8</sup> Ibid., p. 106.

<sup>9</sup> Thomson D. F. Economic Structure and the Ceremonial Exchange Cycle in Arnhem Land. Melbourne, 1949, p. 86—87; *idem*. Interim General Report of Preliminary Expedition to Arnhem Land, Northern Territory of Australia. 1935—1936. Canberra, 1936, p. 37.

<sup>10</sup> Petri H. Sterbende Welt in Nordwest-Australien. Braunschweig, 1954, S. 49.

носили соответствующее звание. Например, мужчина, изготавливавший очень хорошие лодки из коры, назывался *тру ну капу ма* человек, мастерски делавший копья, — *сианума*, барабаны — *нзингатьянума*. Обладание особым мастерством, таким образом, обозначалось с помощью одной и той же частицы — *ума*”.

Изредка в австралийской литературе встречаются сообщения о людях, которые все или почти все свое трудовое время посвящали только одному занятию, получая в обмен на продукты своего труда все необходимое для жизни. Таким образом, они были почти профессионалами. Например, Б. Спенсер упоминает одного из жителей окрестностей Теннант Крик в Центральной Австралии, достигшего совершенства в изготовлении каменных топоров и отдававшего этому делу почти все свое время. Тот же автор пишет о пожилом мужчине одной из групп Северной Австралии, чрезвычайно ловким ловившем рыбу и ничем другим, по-видимому, не занимавшимся<sup>12</sup>. Мужчины, специализировавшиеся на изготовлении долбленых лодок — работе очень трудоемкой и долгой, тоже иногда почти освобождались от остальных хозяйственных обязанностей.

К сожалению, в использованных источниках почти отсутствуют сведения об индивидуальной специализации в хозяйственной деятельности женщин. Единственный пример, который можно здесь привести, это свидетельство Дж. Фрезера о том, что у аборигенов некоторых районов Норманского Южного Уэльса одна женщина в семье обычно с ранних лет специализировалась на рыбной ловле с помощью крючка и лесы<sup>13</sup>.

Несомненно, что выдающимися мастерам, охотникам, рыболовам, опытным и наблюдательным собирательницам принадлежит немало нововведений, усовершенствований и изобретений<sup>14</sup>. По-разному сочетая сравнительно небольшое число основных охотничьих и рыболовецких приемов, развивая полифункциональность сравнительно немногочисленного инвентаря, аборигены изобрели множество конкретных способов охоты и рыбной ловли, оптимально приспособленных к самым разнообразным природным условиям.

По словам Маккарти, выдающимися свидетельствами изобретательских способностей австралийских мастеров являются возвращающийся бумеранг, а также, возможно, топор типа коды с рукояткой (Юго-Восточная Австралия) и примитивный поршневой насос, обнаруженный Г. Базедовым в Центральной Австралии. Выдвинутые отдельными мастерами идеи лежат в основе изобретения новых видов наконечников копий, копьеметалок, палиц, корзин<sup>15</sup> и т. п. Хорошо известно также, как велико число растений, которые австралийские женщины научились использовать в пищу, а разработанные ими приемы сбора и предварительной обработки семян и корнеплодов дали основание русскому этнографу А. Н. Максиму говорить о том, что общество аборигенов стояло «накануне земледелия»<sup>16</sup>.

Индивидуальная специализация в области искусства. Как уже отмечалось выше, в традиционном обществе аборигенов все были в той или иной мере приобщены к искусству. Каждый человек — будь то мальчик или старик, женщина или мужчина — в определенных ситуациях, в определенные периоды становился рассказчиком, актером, певцом, художником. При этом зачастую сам процесс художественного творчества не только в песенном, танцевальном, драматическом, но и в изобразительном жанрах осуществлялся коллективно. Например, несколько мужчин из одной тотемической группы совместно разрисовывали участников тайного обряда или изготавливали сложную религиозную эмблему, используя охру, кровь, разноцветные птичьи перья

<sup>11</sup> Thomson D. F. The Hero Cult, Initiation and Totemism on Cape York.— Journal of the Royal Anthropological Institute, v. LXIV, 1934, p. 231—232, 234.

<sup>12</sup> Spencer B. Wanderings in Wild Australia. V. 2. L., 1928, p. 496, 797.

<sup>13</sup> Fraser J. B. A. The Aborigines of New South Wales. Sydney, 1892, p. 52.

<sup>14</sup> Кабо В. П. Указ. раб., с. 74.

<sup>15</sup> McCarthy F. D. Habitat, Economy..., p. 94; Basedow H. The Australian Aboriginal Adelaide, 1925, p. 97.

<sup>16</sup> Максимов А. Н. Накануне земледелия.— Уч. зап. Ин-та истории. Т. 3. М., 1929.



и пух, изображали на земле обрядовой площадки гигантский тотемический символ. Нередко двое или трое мужчин одновременно рисовали на одном куске коры, иллюстрируя сюжет древнего мифа; несколько женщин одновременно изображали, рисуя на земле палками, ту или иную сцену из жизни своей общины.

Вместе с тем в каждом из распространенных в том или ином племени (или группе племен) видов художественного творчества существовали заметные различия в мастерстве отдельных исполнителей; и в каждом из них чаще всего выделялись люди, достигшие выдающихся успехов.

Так, Б. Спенсер, изучая рисунки жителей северо-восточного Арнемленда на коре, обнаружил значительный «диапазон в возможностях художников». По его словам, «пропорционально ограниченным масштабам их работы между ними существуют почти такие же различия, как между английскими художниками», — не столько, правда, по объектам изображения и восприятию, сколько по искусности исполнения<sup>17</sup>. И далее он пишет: «Я попросил нескольких лучших художников сделать для меня серию рисунков на коре, предоставляя им самостоятельно выбирать сюжеты для картин. Интересно было обнаружить впоследствии, что сами аборигены делают очень четкие различия между художниками по степени их мастерства и что мое мнение неискушенного, в сравнении с ними, зрителя совпало с общепринятыми у них оценками»<sup>18</sup>.

Маунтфорд, изучавший изобразительное искусство тиви, пишет, что у них некоторые мужчины «считались более искусными, чем остальные, в какой-то определенной области: например, в украшении резьбой и рисунками погребальных столбов или декоративных церемониальных копий, в разрисовывании больших корзин, раскрашивании тел участников обрядов пукамани и кулама»<sup>19</sup>. По данным того же исследователя, у тиви было принято во время совершения похоронных обрядов приглашать для изготовления традиционных погребальных столбов лучших мастеров резьбы по дереву и рисовальщиков<sup>20</sup>.

По свидетельству Б. Спенсера, у тиви, населявших остров Мелвилл, лишь немногие мужчины, «исключительно одаренные мастера и художники», умели делать использовавшиеся в декоративных целях копьё особенно сложной конструкции с резьбой и рисунками. Вдоль древка этих копий имелись (от наконечника до середины) два ряда тонких и острых зубцов (всего 34 пары), причем каждый зубец украшался орнаментом и, как пишет Спенсер, представлял собой произведение искусства. Единственным инструментом, употреблявшимся при изготовлении копья, был острый обломок раковины. Подробное описание орнамента на одном из зубцов занимает у Спенсера около четверти страницы<sup>21</sup>.

По данным Р. и К. Берндтов, особенно искусные художники часто получали специальные заказы от соплеменников и выполняли их за определенное материальное или какое-либо иное вознаграждение<sup>22</sup>.

Иногда в литературе встречаются сообщения об индивидуальных различиях в выборе предметов отображения среди художников, занимающихся одним и тем же видом изобразительного искусства, т. е. о специализации, связанной с содержанием самих произведений. Например, Спенсер упоминает среди выдающихся художников, делавших рисунки на коре (район Оэнпелли), мужчину, который особенно любил иллюстрировать мифологические сюжеты и выполнял эту работу наиболее удачно<sup>23</sup>. А. Р. Блэк пишет о художнике, представителе одной из групп северного

<sup>17</sup> Spencer B. Op. cit, p. 793.

<sup>18</sup> Ibid., p. 794.

<sup>19</sup> Mountford C. P. The Tiwi — Their Art, Myth and Ceremony. L., 1958, p. 21.

<sup>20</sup> Mountford C. P. The Artist and his Art in an Australian Aboriginal Society. — The Artist in Tribal Society. L., 1961, p. 25—26.

<sup>21</sup> Spencer B. Op. cit, p. 707—708.

<sup>22</sup> Берндт Р. М. и Берндт К. Х. Мир первых австралийцев. М.: Наука, 1980, с. 213.

<sup>23</sup> Spencer B. Op. cit., p. 793, 804.

побережья Арнемленда, считавшемся «экспертом» по изображению мифологических образов одного типа — людей-духов<sup>24</sup>.

В целом сходные с вышеприведенными свидетельства наблюдателей имеются и об элементах индивидуальной специализации в пении, танцах, музыке. Люди, достигшие особых успехов в этих видах творчества, играли ведущую роль во время различных религиозных обрядов, и в особенности — традиционных развлекательных *корробо́ри*. Часто после публичных выступлений они получали подарки от зрителей и слушателей<sup>25</sup>. Иногда выдающиеся певцы и танцоры специализировались на исполнении какого-либо одного вида танцев или песен. У. Робертсон сообщает, что в некоторых крупных племенах Центральной Австралии существовали специалисты по похоронным танцам. Они ходили из группы в группу и танцевали на похоронах, а также исполняли поминальные танцы у могил мужчин, пользовавшихся при жизни особым почетом<sup>26</sup>.

У австралийцев имелись музыкальные инструменты двух основных видов — палки для отбивания ритма и труба, изготовленная из полого ствола небольшого дерева. Но и на таких примитивных инструментах аборигены играли по-разному<sup>27</sup>. Трубу часто использовали для имитации голосов птиц и животных. В одной из общин какаду Спенсер встретил человека, чрезвычайно искусного в такой «игре» на трубе. Аборигены постоянно просили его продемонстрировать свое мастерство и могли слушать его часами<sup>28</sup>.

У. Макконел, собиравшая мифы и сказки у аборигенов западной части Кейп-Йорка, обращает внимание на различия в степени искусности рассказчиков и на индивидуальные особенности в манерах повествования. По ее словам, одни рассказчики удовлетворяются изложением основных сюжетных линий, другие детально останавливаются на различных эпизодах и действиях мифологических персонажей: приготовлении еды, изготовлении копий и т. п. Те, в ком сильно чувство драматизма, добиваются напряженного внимания, в то время как те, у кого хорошо развито чувство юмора, вызывают взрывы восхищенного смеха<sup>29</sup>.

Среди записанных У. Макконел мифов те, что рассказаны наиболее талантливыми повествователями, производят подлинно художественное впечатление и отчетливо отражают первобытный синкретический характер австралийского искусства: в данном случае неразрывную связь повествования с театральным представлением. Весь строй изложения этих мифов свидетельствует о том, что они сопровождаются демонстрацией действий героев. Комментируются даже отдельные движения, жесты; при помощи прямой речи, насыщенной междометиями, передаются настроения и чувства действующих лиц — страх, нетерпение, радость; особыми сочетаниями звуков имитируются раскаты грома, топот бегущих людей, гвсплески воды, шорохи, стук топора, свист летящего копья и т. п. События излагаются последовательно, поступательно; замедленное действие предшествует драматической развязке.

По свидетельству Берндтов, «хороший рассказчик может держать слушателей в неослабевающем напряжении даже и тогда, когда его рассказ известен всем от начала до конца»<sup>30</sup>. Следует отметить, что в отличие от выдающихся художников, танцоров, певцов, искусные рассказчики не получали никакого вознаграждения<sup>31</sup>.

Создатели нового в искусстве. Хотя по своему содержанию все искусство аборигенов — будь то песни, мифы, сказки, драматические постановки, образцы изобразительного творчества — пронизано религиозно-магическими представлениями, по своему назначению произведения традиционного австралийского искусства можно разделить на две

<sup>24</sup> Black R. Old and New Australian Aboriginal Art. Sydney, 1964, p. 43.

<sup>25</sup> Берндт Р. М. и Берндт К. Х. Указ. раб., с. 302.

<sup>26</sup> Robertson W. Coo-ee Talks. Sydney, 1928, p. 120—121.

<sup>27</sup> См., например, Spencer B. Op. cit., p. 849.

<sup>28</sup> Ibidem.

<sup>29</sup> McConnel U. H. Myths of the Mungkan. Melbourne, 1957, p. 163.

<sup>30</sup> Берндт Р. М. и Берндт К. Х. Указ. раб., с. 306.

<sup>31</sup> Там же.

основные группы. К первой принадлежат произведения, создающиеся а основным или исключительно для удовлетворения эмоциональных, в том, числе эстетических, потребностей людей и не использующиеся в религиозно-магической практике. Ко второй группе относятся произведения искусства, предназначенные для эзотерических культов тотемизма, для обрядов вредоносной, лечебной, любовной, охотничьей магии, магии погоды, т. е. такие произведения, которые помимо эстетической нагрузки несут религиозно-обрядовую, причем последняя, по представлениям их создателей, является главной. С точки зрения задач настоящей работы это разграничение очень важно.

Для того чтобы участвовать в необрядовых драматических представлениях, исполнять песни и танцы, не связанные с религиозно-магическими ритуалами, украшать предметы повседневного обихода, делать не имеющие ритуального назначения рисунки на коре, на стенах пещер, на земле, необходимы только способности, желание и умение. Для того чтобы исполнять религиозные эзотерические песни и танцы, участвовать в инсценировках эзотерических мифов, изображать эзотерические религиозные символы, необходимо прежде всего обладать соответствующим социальным статусом, занимать соответствующее положение в своей тотемической группе и в системе родственных связей с членами иных тотемических групп. Для того чтобы исполнять песни и танцы, делать изображения, связанные с колдовством и знахарством, нужно иметь статус «специалиста» в этой области или по крайней мере слыть человеком, сведущим в магии. Творческий импульс и талант в двух последних случаях играют лишь второстепенную роль.

Произведение искусства, предназначенное для тотемического или знахарского обряда, хотя и удовлетворяет, как уже указывалось, эстетическое чувство исполнителя и аудитории, не имеет все же в глазах аборигенов самостоятельной эстетической значимости. Оно ценится прежде всего за свое религиозное содержание и магические свойства, а затем уже за красоту, мастерство исполнения. Священный миф, священная песня, священный танец не существуют вне эзотерического ритуала, где их эстетические достоинства и качества воспроизведения может оценить сравнительно небольшое число инициированных мужчин одной или нескольких тотемических групп. Рисунки, украшения, эмблемы, использующиеся во время эзотерических обрядов, также доступны только ограниченному числу зрителей и часто уничтожаются по окончании тех церемоний, для которых они были приготовлены. То же можно сказать и о произведениях искусства, предназначенных для обрядов вредоносной и благотворной магии, добавив, что во многих случаях эти произведения видят или слышат лишь сами исполнители, да двое-трое помощников.

Иначе обстоит дело в сфере искусства, не подчиненного религиозно-магической практике. Здесь произведения художественного творчества ценятся главным образом или даже исключительно за их эстетические качества, за их эмоциональное воздействие. Возникнув, они как бы обретают самостоятельную жизнь, и люди обращаются к ним всякий раз, когда ощущают потребность в развлечении, в удовольствии; эти произведения беспрепятственно передаются от одной группы к другой.

Наконец, воспроизведение священных тотемических, а также колдовских и знахарских песен, танцев, изобразительных символов, как правило, требует строгого следования традиции. Все до малейших деталей должно повторять передающиеся из поколения в поколение образцы, так как считается, что в противном случае магический обряд не даст желаемых результатов. В необрядовом же искусстве, хотя и существуют традиционные каноны, допускаются определенные изменения, импровизация, нововведения.

Все вышеизложенные факторы способствуют тому, что именно в сфере необрядового искусства складываются, как представляется автору, наиболее благоприятные условия для творческого самовыражения одаренной личности и для адекватной оценки ее окружающими, что в свою очередь поощряет дальнейшее развитие творческой индивидуальности.

Как показывают искусствоведческие исследования и этнографические работы обобщающего характера, в творчестве, предназначенном исключительно для удовлетворения эстетического чувства, наблюдается большее стилевое разнообразие, чем в религиозно-обрядовом искусстве, изредка даже полный отход от традиционных форм и создание совершенно оригинальных по стилю произведений. Необрядовое искусство постоянно пополняется новыми образцами.

Во время традиционных развлекательных церемоний — корробори — с особым интересом воспринимались и особенно ценились зрителями новые песни, танцы, драматические представления на новые сюжеты (чаще всего все это исполнялось в неразрывном единстве), в которых находили отражение те или иные события повседневной жизни австралийской общины, а также личные впечатления и переживания создателей. Большинство аборигенов, или по крайней мере очень многие из них, создавали или пытались создавать новые песни, танцы, «пьесы». Вместе с тем отдельные лица, в течение многих лет регулярно занимавшиеся созданием новых произведений, получали в обществе признание как специалисты-сочинители.

Часто австралийские сочинители в соответствии с устоявшейся традицией утверждали, что новые песни, или новые сюжеты для инсценировки, или новые танцевальные па и музыкальные ритмы «приходят» к ним во сне, что это — «подарки» их тотемов, духов умерших родственников или даже духов убитых на охоте животных. Нередко создателями новых произведений, «полученных» во время сна, бывали мужчины-знахари, иногда женщины, сведущие в любовной магии<sup>32</sup>.

Вместе с тем были и «поэты» или «композиторы», которые отступали от этой традиции приписывать появление нового влиянию мистических сил. Хауит, например, пишет о сочинителе песен по имени Умбара (племени юин), который рассказывал, что новые песни «приходят» к нему не во сне, как к другим, а наяву, чаще всего во время рыбной ловли, далеко в открытом море, когда он стоит в качающейся на волнах лодке. Хауит приводит сокращенный и весьма приблизительный перевод песни, созданной Умбарой в один из таких моментов вдохновения: «Между яростным ветром и ревущими волнами в огромном безбрежном море я был почти в отчаянии». Умбара впервые исполнил эту песню вечером после возвращения с моря. «Он пел, отбивая ритм палками, стоя посреди стоянки в окружении восхищенных зрителей»<sup>33</sup>.

Хауит упоминает также другого сочинителя, певца и актера, отражавшего в своих произведениях впечатления и события текущей жизни, — Маргулу из племени уолгал. В одной популярной его песне рассказывается о том, как вместе с другом он пытался в углой лодке во время разлива переплыть реку с бурным течением. Исполнение песни сопровождалось телодвижениями и жестами, которые были, по словам Хауита, гораздо красноречивее, чем ее слова. Актеры изображали, как они сталкивают лодку в воду, гребут наперерез течению, как лодку захлестывает вода, как они после безуспешных попыток вычерпать воду руками поспешно гребут к берегу. Хауит слышал и «видел» эту песню в воспроизведении певцов и танцоров курнаи, которые получили ее от аборигенов племени мурринг, в свою очередь воспринявших ее от уолгал. Курнаи слов песни совсем не понимали, но это не мешало ее успеху у аудитории<sup>34</sup>.

В своих воспоминаниях Л. Трелькельд приводит такой эпизод. Однажды несколько аборигенов из окрестностей Порт-Стефанса «с благой внешностью» и диалектом, несколько отличавшимся от наречия жителей района Ньюкасла (среди которых автор жил в первой половине XIX в.), пришли научить последних новым песне и танцу. Из объяснений посланников Трелькельд понял, что один из их соплеменников,

<sup>32</sup> Берндт Р. М. и Берндт К. Х. Указ. раб., с. 300.

<sup>33</sup> Howitt A. W. The Native Tribes of South East Australia. L., 1904, p. 422—423.

<sup>34</sup> Howitt A. W. Op. cit, p. 423—424.



будучи при смерти, «дал» им эту песню и завещал после его смерти обойти соседние племена и исполнять ее повсюду<sup>35</sup>.

Признанные удачными новые песни, танцы, драматические произведения распространялись у аборигенов на огромные расстояния. При этом часто, как в одном из приведенных выше примеров, такие песни и сюжеты для инсценировок укоренялись у племен с языками, совершенно отличными от языков создателей. Исполнители воспроизводили их, не понимая слов, однако благодаря выразительным жестам, телодвижениям, мимике, сопровождавшим пение, общий смысл в большинстве случаев был доступен зрителям и слушателям. :

В некоторых районах Австралии встречались люди, специализировавшиеся на распространении новых произведений песенного, танцевального и драматического искусства. С целью обучения иноплеменников новому они совершали долгие путешествия на большие расстояния, нередко получая после своих выступлений подарки от зрителей<sup>36</sup>.

Следует особо отметить, что в отдельных случаях выдающимся певцам, танцорам, художникам, создававшим новые оригинальные произведения, предоставлялась в австралийских коллективах возможность подавляющую часть времени отдавать своему искусству и не принимать или почти не принимать участия в хозяйственной деятельности. Например, К. Харт и А. Пиллинг пишут о талантливом певце и танцоре, авторе множества новых песен, а также об искусном мастере резьбы по дереву из племени тиви, которых их жены и сыновья фактически освободили от повседневного труда по добыванию пищи и производству предметов обихода, для того чтобы они без помех могли заниматься творчеством<sup>37</sup>.

Первобытный специалист и общество. По словам М. Ф. Маккарти, человек, способный, стоя в качающейся на волнах лодке, с первой попытки пронзить гарпуном черепаху или дюгоня, или же человек, копия которого без промаха настигают кенгуру или эму, занимает особое положение в общине, пользуется всеобщим почетом как специалист своего дела<sup>38</sup>. По данным Д. Томсона, у аборигенов побережья Кейп-Йорк искусные и опытные гарпунщики были людьми очень авторитетными и влиятельными<sup>39</sup>.

Точно так же почетом в коллективах аборигенов пользовались выдающиеся мастера, изготавливавшие орудия труда и оружие, резчики по дереву, искусные художники, делавшие рисунки на коре и наскальные изображения, равно как и певцы, танцоры, актеры. А умение создавать новые танцы и песни придавало человеку особую ценность в глазах окружающих.

Выдающиеся охотники и рыболовы часто бывали лидерами целевых групп, выполнявших соответствующие хозяйственные задачи. Талантливые ораторы, люди, лучше других знавшие языки соседних общин и племен, возглавляли отряды посланников. Авторитет искусного мастера, квалифицированного охотника способствовал выдвижению мужчины на роль главы общины или ее временного подразделения — хозяйственной группы (по терминологии В. Р. Кабо). Иногда даже человек становился главой общины благодаря выдающимся успехам в области искусства. Так, например, Хаут сообщает о главе одной из общин, входившей либо в племя вуруньери, либо в какое-то соседнее племя. Звали его Нингу-лабул, что означает «сверкающий». По словам одного его соплеменника, Нингу-лабул «сверкал, как гладко отшлифованный камень на ярком солнце. Он был великим сочинителем песен, заставляя людей, слушающих его пение, испытывать радость». Нингу-лабул происходил из семьи одаренных певцов и танцоров. Его отец и дед также были прославленными создателями песен. Талант и слава предков служили основой того

<sup>35</sup> Threlkeld L. E. Australian Reminiscences and Papers: Missionary to the Aborigines. 1824—1859. Canberra, 1974, v. 1, p. 56.

<sup>36</sup> Ibid., p. 57.

<sup>37</sup> Hart C. W. and Pilling A. R. The Tiwi of North Australia. N.Y., 1960, p. 42—48.

<sup>38</sup> McCarthy. Australia's Aborigines. Their Life and Culture. Melbourne, 1957, p. 89.

<sup>39</sup> Thomson D. F. The Dugong Hunters..., p. 243.

огромного авторитета, который он имел как нгурунгаэта (глава общины) и который простирался далеко за пределы его общины<sup>40</sup>.

Интересно, что люди с такими физическими недостатками, которые мешают полноценно трудиться, или даже люди с ослабленными умственными способностями, благодаря особым достижениям в какой-нибудь, пусть достаточно узкой сфере — хозяйственной, обрядовой или художественной — по социальному статусу не уступали своим сверстникам, а иногда даже превосходили их. У. Уорнер пишет о мужчине с сильно поврежденным позвоночником, который передвигался только с посторонней помощью, но пользовался большим уважением в общине, потому что превосходно умел управлять лодкой в бурном море<sup>41</sup>. В книге А. Уэлс имеется свидетельство о молодом мужчине с острова Милингимби, который был заметен менее умен и решителен, чем его сверстники, но зато очень хорошо рисовал на коре, и это его выручало<sup>42</sup>. Н. Тиндейл пишет о юноше из этнокультурного объединения питьяндьяра, который, будучи с детства калекой (плохо владел одной ногой), но, проявив блестящие и разнообразные способности во время обрядов инициации, сумел достичь высокого авторитета не только в своей общине, но и за ее пределами. Старшие мужчины держались с ним как с равным, а некоторые даже боялись его<sup>43</sup>.

\* \* \*

Проанализированные материалы показывают, что индивидуальная специализация, по существу представлявшая собой, как пишет В. Р. Кабо, лишь высшее развитие одного или нескольких из тех традиционных навыков, которые каждый молодой человек усваивал, переходя из одной возрастной группы в другую<sup>44</sup>, гармонично вписывалась в первобытную систему организации производственных отношений и общественной жизни аборигенов. Она как бы предусматривалась первобытными социальными нормами австралийцев, положительно оценивалась в их идеологии.

Австралийский коллектив был заинтересован в деятельности людей, являвшихся в силу высокоразвитого мастерства и особых способностей в известном смысле специалистами. Им обеспечивали возможность посвящать значительную или большую часть времени тому делу, которое им лучше всего удавалось, частично, а иногда и полностью освобождая их от других занятий. Важно подчеркнуть, что это относится не только к тем, кто специализировался в одном из видов хозяйственной деятельности, но и к тем, чья специализация была связана с духовной культурой, в том числе с искусством, не подчиненным религиозной обрядности.

Укоренившийся во многих районах Австралии обычай делать подарки выдающимся мастерам, певцам, танцорам, художникам также является, очевидно, свидетельством общественного признания индивидуальной специализации. Эти подарки, в большинстве случаев представляющие в глазах аборигенов незначительную материальную ценность, выступают скорее всего не как плата за труд, но лишь как общественное поощрение, одобрение, благодарность за особо квалифицированную работу.

В обществе аборигенов существовали благоприятные условия для развития индивидуальных способностей и склонностей человека. Некоторые черты сложившейся у аборигенов культуры взаимоотношений стимулировали такое развитие: для общественного сознания аборигенов было характерно пристальное внимание к индивидуальным достижениям, к таким качествам человека, которые выделяют его в коллективе; успехи в каком-либо из традиционных видов деятельности эффективно способствовали повышению социального статуса личности.

<sup>40</sup> Howitt A. W. Op. cit., p. 310—314.

<sup>41</sup> Warner W. L. A Black Civilization. N. Y., 1937—1958, p. 537.

<sup>42</sup> Wells A. Milingimbi. Sydney, 1963, p. 25.

<sup>43</sup> Tindale N. B. Initiation Among the Pitjandjara Natives of the Mann. and Tomkinson Ranges in South Australia.—Oceania, v. VI, № 2, p. 223.

<sup>44</sup> Кабо В. П. Указ. раб., с. 74.

Данные австралийской этнографии позволяют думать, что индивидуальная специализация в формах, подобных тем, которые она имела у аборигенов, была характерна для весьма ранних стадий развития человеческого общества. С общетеоретической точки зрения это следует считать закономерным. Ведь благополучие небольших первобытных коллективов, без сомнения, в немалой степени зависело от реализации индивидуальных способностей, навыков, склонностей их членов. Условия для самовыражения творчески одаренной личности во многом были залогом развития всего общества.

Из сказанного видно, почему автору представляется неправильным называть зарождающейся или возникающей такую индивидуальную специализацию, которую мы находим у аборигенов Австралии, а также в других зафиксированных этнографией обществах, сохранявших до недавнего времени первобытный образ жизни. Насколько она нужна подобным обществам, настолько она в них сложилась. По всей видимости, нельзя провести прямую эволюционную линию от такой специфически первобытной индивидуальной специализации к профессиональной специализации более поздних эпох. Это два качественно различных явления, порожденных разными социально-экономическими условиями. Однако индивидуальная специализация во многом сходная с той, что складывается в условиях первобытности — как бы частичная или неполная, когда человек является полужемлемельцем и полуремесленником или полукотоводом и полухудожником, — существует, выполняя важные функции, и в классовом обществе — в крестьянской среде, в сельской общине. Так называемый народный умелец или сказитель — это поздний аналог первобытного мастера, художника или рассказчика. Очевидно, при изучении процессов, сопряженных с развитием индивидуальной специализации в период разложения первобытного образа жизни, формирования классов и государства, следует иметь в виду что сходные по форме явления могут иметь различное происхождение и разную сущность: одни могут быть ростками нового — будущей профессиональной специализации, другие являться несколько модифицированным продолжением старого — первобытной индивидуальной специализации.

В целом следует подчеркнуть, что обращение к австралийским этнографическим фактам, как и к данным, относящимся к другим этнографическим аналогам первобытных охотников и собирателей, полезно для решения не только узловых теоретических проблем первобытной истории, но и проблем, связанных с эпохой классовообразования, а также с более поздними периодами общественного развития.

Что касается собственно первобытноисторической проблематики, то, по-видимому, наибольшее значение изучение затронутых в настоящей статье этнографических фактов может иметь для исследований, посвященных проблеме личности, индивидуальных различий в личных качествах людей в эпоху первобытности. Довольно широко распространенное мнение об однородности, как бы обезличенности первобытных людей в значительной мере основывается на упоминавшемся в начале статьи предположении об отсутствии различий в характере их повседневных занятий. Австралийские материалы, как можно было видеть, такого предположения не подтверждают. Изучение организации производственной и иных видов деятельности, а также соотношения индивидуального поведения и социальной регуляции<sup>45</sup> в обществе аборигенов показывает, что условия первобытного уклада жизни не исключали возможности для формирования личности, неотъемлемым свойством которой является индивидуальность, неповторимость, и что отдельный человек имел возможность занять в первобытном коллективе в известном смысле обособленное, отличавшее его от всех остальных представителей той же половозрастной группы место, соответствовавшее его личным качествам, склонностям и способностям.

<sup>45</sup> Артемова О. Ю. Личность и нормы поведения в обществе аборигенов Австралии: Автореферат дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1981.